Революционные идеи Ж.-Ж. Руссо и радикализация современных политических преобразований

Гайнутдинова Л. А., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Идеологическая романтизация свободы и равенства, имея своими истоками политическую философию Ж.-Ж. Руссо, не теряет своей актуальности и сегодня. Революционные идеи Ж.-Ж. Руссо, которые положили начало радикально-демократической парадигме, вдохновляют новые реформаторские и революционные движения по всему миру. Практическое воплощение этих идей часто ведет к радикализации порядка политических преобразований, существенно истончая грань между демократией и диктатурой.

Подобное не раз наблюдалось в политической истории, начиная с Великой французской революции и заканчивая современной волной революций в разных странах, где радикальные демократы, разрушая и захватывая власть, провозглашают свободу во имя новой равенства. Пренебрегая реальными пределами исторического действия, переоценивая роль и значение революционного насилия, радикалы запускают процесс, который может привести к серьезной опасности для общества и государства. Ведь в реальности под равенством подразумевается только разрыв с прежней общественной асимметрией, которая замещается новыми ценностями – привилегированным доступом к новой системе иерархий. В таком случае национальная ткань разрывается, все общественные ячейки распадаются, воля, направленная на установление свободы, приводит к террору, уничтожая эту самую свободу, а революция превращается в противоположность тому, что служило ее началом. Как только народу кажется, что он (тот кто именно и «сделал» эту революцию) получает всю полноту власти, эта власть, прекрасно обоснована в многочисленных теориях и концепциях, в реальности ускользает из его рук и становится неуловимой. Идеи же, царившие в предреволюционный период и сыграли положительную роль в процессе подготовки революционных событий, высвечиваются как абсолютно недееспособны.

Ключові слова: Ж.-Ж. Руссо; общественный договор; радикальный либерализм; свобода; демократизация; гражданское общество; революция; гражданское неповиновение

Innovative Ideas of Jean-Jacques Rousseau and Radicalization of Modern Political Transformations

Gaynutdinova L. A., Herzen State Pedagogical University of Russia

The ideological romanticism of freedom and equality, having its origins in the political philosophy of Zh. J. Russo, does not lose its relevance today. The revolutionary ideas of J.J. Russault, which laid the foundations for a radical democratic paradigm, inspire new reformist and revolutionary movements around the world. The practical implementation of these ideas often leads to a radicalization of the order of political transformation, substantially reducing the line between democracy and dictatorship.

This has been repeatedly observed in political history, beginning with the French Revolution and ending with a modern wave of revolutions in different countries, where radical democrats, destroying and capturing power, proclaim freedom in the name of new equality. By neglecting the real limits of historical action, redefining the role and significance of revolutionary violence, the radicals launch a process that can lead to serious danger for society and the state. Indeed, in reality, equality means only a break with the former public asymmetry, which is replaced by new values – privileged access to a new system of hierarchies. In this case, the national fabric is torn apart, all the public cells collapse, the will to establish freedom, leads to terror, destroying this same freedom, and the revolution turns into a counter to what served as its beginning. As soon as it seems to the people that he (the one who «made» this revolution) receives all the full power, this power, well-founded in numerous theories and concepts, in reality slips out of his hands and becomes elusive. The ideas that prevailed in the pre-revolutionary period and played a positive role in the process of preparing revolutionary events are highlighted as completely incapacitated.

Keywords: J.-J. Rousseau; social contract; radical liberalism; freedom; democratization; civil society; revolution; civil disobedience

Революційні ідеї Ж.-Ж. Руссо і радикалізація сучасних політичних перетворень

Гайнутдінова Л. А., Російський державний педагогічний університет ім. А. І. Герцена

Ідеологічна романтизація свободи і рівності, маючи своїми витоками політичну філософію Ж.-Ж. Руссо, не втрачає своєї актуальності і сьогодні. Революційні ідеї Ж.-Ж. Руссо, які поклали початок радикально-демократичній парадигмі, надихають нові реформаторські та революційні рухи по всьому світі. Практичне втілення цих ідей часто веде до радикалізації порядку політичних перетворень, істотно стоншуючи грань між демократією і диктатурою.

Подібне не раз спостерігалось в політичній історії, починаючи з Великої французької революції і закінчуючи сучасною хвилею революцій в різних країнах, де радикальні демократи, руйнуючи і захоплюючи владу, проголошують свободу в ім'я нової рівності. Нехтуючи реальними межами історичного дії, переоцінюючи роль і значення революційного насильства, радикали запускають процес, який може призвести до серйозної небезпеки для суспільства і держави. Адже в реальності під рівністю мається на увазі тільки розрив з колишньою громадською асиметрією, яка заміщується новими цінностями – привілейованим доступом до нової системи ієрархій. У такому випадку національна тканина розривається, всі громадські клітинки розпадаються, воля, що спрямована на встановлення свободи, призводить до терору, знищуючи цю саму свободу, а революція перетворюється на протиположність тому, що служило їй початком. Як тільки народу здається, що він (той, хто саме і «зробив» цю революцію) отримує всю повноту влади, ця влада, прекрасно обгрунтована в численних теоріях і концепціях, в реальності вислизає з його рук і стає невовимою. Ідеї ж, що панували в передреволюційний період і зіграли позитивну роль в процесі підготовки революційних подій, висвічуються як абсолютно недієздатні.

Ключевые слова: Ж.-Ж. Руссо; суспільний договір; радикальний лібералізм; свобода; демократизація; громадянське суспільство; революція; громадянська непокоря

Постановка проблеми.

Великая французская революция, разрушив старое монолитное и строго иерархизированное общество, создала социальную базу для процессов самоидентификации и новой легитимности. Французская революция была событием, примера которому история не знала: рассматриваемая как начало того времени, когда человек, руководствуясь принципами разума, сам будет определять свою судьбу, революция пробудила в сознании самых выдающихся людей Европы восторженное воодушевление. Все эти процессы получили свое идеологическое осмысление в трудах многих философов Нового времени и эпохи Просвещения, и в первую очередь, в политической философии Ж.-Ж.Руссо.

Анализ исследований и публикаций.

По мнению К. Ясперса, «в мышлении эпохи произошел сдвиг. Возникнув как духовная жизнь фактически немногих людей, считавших, что они – представители времени, оно обратилось к блеску упорядоченной государственной жизни и, наконец, к самому бытию людей... Со времени революции

людей охватило беспокойство по поводу их существования в целом, ответственность за которое они несут сами, так как оно может быть изменено в соответствии с определенным планом и устроено наилучшим образом» [6, р. 291]. В отличие от Англии, где существовала мощная либеральная традиция, французский либерализм, не имея таких глубоких корней, рождался в ходе самой революции. Именно это наложило на него особый отпечаток и придало особую национальную специфику. «Декларация прав» означала не столько утверждение новых прав, сколько отрицание прежних. Свобода превратилась в основную ценность: она декларировала, что все люди от рождения свободны и равны в правах. На самом же деле под равенством имелся в виду только разрыв с прежней общественной асимметрией – наследственной, привилегированной, и эта асимметрия замещалась новыми ценностями – свободным доступом к новой системе иерархий. Чтобы ускорить процесс, успокоить нетерпение новых элит, нужна была политическая власть. Поэтому радикально и насильственно ликвидировались прежние асимметричные сво-

боды во имя нового равенства, что вело к неожиданным изменениям хода и характера французской революции – она превратилась в противоположность тому, что служило ее началом. Национальная ткань оказалась разорванной, все общественные клеточки распались, воля, направленная на установление свободы человека, привела к террору, уничтожившему свободу полностью. Рожденная из недр революции свобода открыла путь новой, прежде неведомой человечеству по своей жестокости тирании: уничтожив политические институты, основанные на наследственной передаче власти, казалось, что, наконец-то, народ обрел всю полноту власти, но эта власть, прекрасно обоснованная в многочисленных теориях, в реальной жизни ускользала из рук и стала неуловимой [6]. Поиску ответа на вопрос «почему это произошло?» были посвящены многие возникшие под влиянием революционных событий сочинения, среди которых и «Размышления о революции» (Э. Берк, 1790), и «Рассуждения о Франции» (Ж. де Местр, 1797), и «Исследование французской революции» (А. В. Рехберг, 1793), и «Очерки по исправлению суждений публики о французской революции» (И. Фихте, 1793) и др. Дж. Талмон [8, р. 178] прав, отмечая, что «тоталитарная демократия рано развилась в систему принуждения и централизации не потому, что она отвергла ценности либерального индивидуализма XVIII века, но потому, что она изначально имела слишком перфекционистское отношение к ним ... Человека нужно было не просто освободить от ограничений. Все существующие традиции, устоявшиеся институты, социальные механизмы должны быть опрокинуты и переделаны с единственной целью обеспечить человеку полноту его прав и свобод и снять с него всякую зависимость». Позднее предложенные теоретиками марксизма-ленинизма пути достижения свободы, равенства, преодоления противоречий капитализма так же оказались не соотношенными с реалиями социальной жизни. Стало ясно, что подобный подход чреват серьезными опасностями: пренебрежением реальными пределами исторического действия, переоценкой роли и значения революционного насилия. Реакция на революцию

росла: в XIX веке вера в прекрасное будущее уже противостоит ужас перед развертывающейся бездной, понимание той реальности, к которой ведет радикализм любой революции и чудовищные превращения ее светлых идеалов в свои противоположности. Возможность предотвратить повторение революции была возведена в принцип политики всех европейских государств.

Цель исследования.

Несмотря на все исторические параллели, феномен романтического истолкования свободы, равенства не теряет своей актуальности и сегодня, сопутствуя периоду острых цивилизационных противоречий, наличию опасных социокультурных трещин и изломов как в развитых странах Запада, так и в ходе процесса «вестернизации» менее развитых стран. Со времени французской революции в мире живет специфически новое сознание эпохальности значения времени. Предвидение Канта (1798) [3, с. 4] сохранило свое значение вплоть до настоящего времени: «Подобный феномен не забывается, ибо он открыл задатки человеческой природы и ее способность к лучшему, что до той поры не уразумел из хода вещей ни один политик». В целом, идеологические истоки всех этих процессов лежат в политический идеях Нового времени, эпохи Просвещения, и в первую очередь, в политической философии Ж.-Ж. Руссо, которая положила начало радикально-демократической парадигме, практическая актуализация которой наблюдается и в наши дни, и с которой не могут не считаться новые реформаторские движения в политике, в том числе и в странах постсоветского пространства.

Изложение основного материала.

Общественная программа Ж.-Ж. Руссо: идеологические постулаты. В труде «Об общественном договоре, или принципы политического права» философ и писатель Жан-Жак Руссо [3] (1712-1778) всесторонне изложил свои взгляды и представления на идеальное политическое устройство. Ядром социально-политической концепции Руссо является идея народного суверенитета как основополагающего принципа республиканского политического строя. В основе государственной власти, по мнению Руссо,

лежит воля и свободы каждого отдельного человека, которые остаются абсолютными, неограниченными и после заключения общественного договора. Поэтому Руссо выдвигает свой знаменитый тезис о том, что носителем и источником власти является народ, который может и должен свергать власти, нарушающие условия общественного договора. Суверенно не государство, суверенен народ: народ творит законы, меняет их и принимает новые. Суверенитет народа проявляется в осуществлении законодательной власти, он неотчуждаем и неделим. Руссо выступал против концепции разделения властей, предлагая четкое разграничение функций государства. Народовластие возможно лишь при одной форме правления – республике, а формы организации правительства могут быть различны – монархия, аристократия, демократия. Рассматривая процесс возникновения общественного или гражданского состояния, Руссо уделяет особое внимание тому обстоятельству, что, как он думает, первоначальный договор оказался неистинным, потому что богачи силой и хитростью захватили власть и связанные с нею преимущества. Потребность эпохи заключается в том, чтобы разорвать прежний и заключить новый, теперь уже справедливый договор. В качестве одного из средств его достижения Руссо допускает революцию и даже, в тех исключительных случаях, когда отечеству грозит опасность, диктатуру. Но главное внимание у Руссо уделяется все же законам построения гражданского общества, в связи с чем и разрабатываются принципы народного суверенитета и общей воли.

Конечно, политические идеи Руссо оказали огромное влияние не только на общественное сознание Франции, но и на весь ход Великой Французской революции, провозгласив торжество гражданской концепции в политике и стремление преодолеть несвободу совершенствованием личности и общества путем просвещения. Эта просвещенческая концепция, противостоящая государству, быстро вышла за пределы того, что было ранее предложено в теориях Локка и Монтескье и положила начало новому направлению политической мысли – буржуазному революционному радикализму. Имен-

но эти взгляды легли в основу идеологии самой радикальной группы революционеров времен Французской революции – якобинцев и служили обоснованием якобинского террора. Именно вследствие данной идеологической причины Французская революция отошла от своих целей создания политических институтов и сосредоточилась вместо этого на решении социальных вопросов. Революционеры не ограничивали себя в выборе средств, принеся в жертву саму революционную законность и развязав страшный политический террор.

Несомненно, Руссо был идеалистом, утверждая, что демократия основана на реальном тождестве распоряжающихся и подчиняющихся. По мнению К. Шмидта [2, с. 318], эта идея сводится к представлению о ряде отождествлений, не связанных ни с какой «ощутимой реальностью... ни с чем-то таким, что характеризуется реальным правовым, политическим или социологическим равенством». Согласно данному взгляду, демократия оказывается вполне совместимой и с диктатурой, особенно, если ее обосновывают педагогическими соображениями. Заслуга Руссо в том, что он впервые разработал современный процедурный тип демократической легитимности, в котором легитимную силу обретают не столько основные достижения, сколько формальные условия возможного достижения консенсуса. Можно критиковать Руссо за то, что он смешивает уровни принципа легитимности и конкретной организации, но нельзя упускать из виду, что именно этот шаг позволил Руссо продвинуться от виртуальной модели обсуждения к реальной. Однако, считает Ю. Хабермас [2], просто как принцип легитимности демократия может легко стать источником «легитимации» недемократических практик, что часто и подтверждает политическая практика.

Критикуя идеологические постулаты Ж.-Ж. Руссо, превозносящего суверенитет народа в виде прямой демократии, Х. Аренд [1, с. 394] так же отмечает ключевую проблему: суверенитет народа никак не может быть институционализирован в виде единого собрания, поскольку не найдется такого зала, чтобы вместить весь народ. Подобная ситуация ведет к нестабильности и жесткой конкурен-

ции между теми, кто стремится воплотить народную волю, к манипуляциям, практике плебисцитов и террору, что уже присуще любой модели радикальной демократии, которая отторгает представительство в принципе и культивирует гражданское неповиновение вплоть до захвата власти.

Превращение концепции просвещения Ж.-Ж.Руссо в парадигму радикального либерализма. По мере того, как Просвещение превращалось в широкое движение, оно становилось более публичным и более эгалитарным. Поляризация отношений между обществом и государством была заложена в жестком противопоставлении морали и политики: общество, лишённое политической власти, присваивало себе право исповедовать принципы морали и стоять на их страже. Отрицание политики вело к установлению определенных моральных критериев, позволяющих критиковать власть и выносить суждения о проводимой ею политике. Сама по себе мораль, конечно, неполитична, но именно поэтому она ставит под сомнение аморальное государство и, в конечном счете, превращается в огромную политическую силу. Таким образом, происходит радикализация общественной программы, направленной на государство: целью общества являлось уже не сосуществование с государством, а разрушение и его уничтожение. Дж. Коэн и Э. Арато [2, с. 321] отмечают тесную взаимосвязь между Просвещением и кризисом старого режима, а также между этим кризисом и грядущей революцией. Они говорят о выдвинутой Пьером Бейлем идеи Литературной республики, которая стала прообразом радикальной демократии Руссо, и может интерпретироваться как конфронтация между государственным правлением и критиками-моралистами, свидетельствуя о том, что критика из оружия публичной и морально-этической сферы превратилась в политическое оружие.

Анализируя процесс радикализации теории Ж.-Ж. Руссо, Дж. Коэн и Э. Арато [2, с. 752] отмечают, что его политическая философия, положившая начало новой традиции, основана на утопических демократических нормах прямого участия граждан в общественной жизни и утверждает утопический

идеал гражданского общества – выработку такого институционального устройства, которое на современной эгалитарной почве осуществляло бы классические принципы участия всех в управлении государством в качестве и управляющих, и управляемых. То есть каждый гражданин становится законодателем посредством такого институционального устройства, которое отождествляет управляющих и управляемых. Руссоистская концепция демократической легитимности основана на противопоставлении: либо демократическая политическая система обеспечивает прямое участие граждан в принятии политических решений, либо она недемократична. Предполагается, что нормы демократической легитимности могут быть полностью институционализированы в идеально организованном политическом обществе. По мнению К. Шмидта [7, с. 214], Руссо демонстрирует самую радикальную попытку решить противоречие между политическим строем и нормативным порядком общества. Идея тождества управляемых и управляющих автоматически отрицает наличие демократического потенциала у любого варианта принципа представительства, ибо представительство всегда предполагает дистанцию между представителями и представляемыми. И как следствие, структурные предпосылки парламентской демократии – разделение государства и гражданского общества, общественного и частного, сосредоточенность на индивидуальных правах – представляются источником политического отчуждения. К. Шмидт [7, с. 217] утверждает, что суверенитет народа не может быть институционализирован полностью, поскольку народная воля в современных условиях не может быть ни выражена посредством представительства, ни сформирована на каком-то общем собрании, она воплощается в отдельной личности, претендующей на ее выражение и поддержанной в этих претензиях методами «всеобщего единодушного одобрения». Соответственно лидер соединяет в своем лице легитимность (принципы, лежащие в основе закона) и суверенитет (возможность принимать чрезвычайные решения). По этим соображениям на основании модели демократии как тождества правящих и

управляемых, обнаруживаемой им у Руссо, в якобинстве и в большевизме, Шмидт приходит к выводу, что грань между демократией и диктатурой исключительно тонка.

Демократия как незавершенный процесс институционализации современного социума. Важно помнить, что независимо от того, какое достигнуто институциональное устройство политической системы на данный момент, демократия должна рассматриваться как незавершенный процесс, процесс просвещения, обучения и совершенствования. Каждая реальная организационная форма демократии имеет свои недостатки и свои достоинства, и никакая комбинация различных принципов демократии не может полностью устранить перекосы и противоречия. Поэтому Дж. Козн и Э. Арато [2, с. 706] говорят о множественности демократических форм как идеале институционализации современного социума и четко различают нормативные принципы демократической легитимности и вопросы организации государственной власти с тем, чтобы первые могли быть ценностной базой и моральной отправной точкой для критики последней. Можно высказывать претензии относительно недостаточной демократичности институтов, игнорирования мнения той или иной группы, недостаточного внимания к чьим-то аргументам и т. д. И уж всегда можно предъявлять претензии на недостаточную демократичность самих институтов политической системы, однако необходимо учитывать, что в демократической системе нельзя руководствоваться принципами радикального противопоставления, исключаящими органическую зависимость между источником легитимности и организацией власти, между управляемыми и управляющими, между представителями и представленными, между государством и гражданским обществом. То есть необходимо преодолеть именно тот разрыв, который стремятся использовать радикальные демократы во все времена, начиная с Великой французской революции и заканчивая нашими днями, призывая к гражданскому и политическому неповиновению, разрушению политической системы и захвату политической власти.

Примером этого может служить высту-

пление 19 сентября 2017 г. с трибуны ГА ООН Д. Трампа [4], который сказал: «Народ Венесуэлы голодает, страна рушится, его демократические институты уничтожают. Эта ситуация совершенно неприемлема, и мы не можем оставаться в стороне и наблюдать. Как у ответственной страны и соседа у нас и у других есть цель. Эта цель — помочь венесуэльцам вновь обрести свободу, возродить их страну и восстановить их демократию». Как видим, в русле радикальной либеральной парадигмы глобального доминирования, Президент США превознес суверенитет венесуэльского народа над суверенитетом государства. Подобный спич с трибуны ГА ООН ведет к нестабильности, манипуляциям с одним из основных принципов демократии — принципом представительства и культивированию гражданского неповиновения вплоть до захвата государственной власти в стране.

Выводы.

Современные радикальные демократы в ходе происходящих с определенной периодичностью в наше время революций, разрушая и захватывая власть, провозглашают свободу во имя нового равенства. На самом же деле под равенством имеется в виду только разрыв с прежней общественной асимметрией, которая замещается новыми ценностями — привилегированным доступом к новой системе иерархий. Национальная ткань разрывается, все общественные клетки распадаются, воля, направленная на установление свободы, часто приводит к террору, уничтожая эту самую свободу. Очень быстро все становятся свидетелями закономерного изменения хода и характера так называемой «революции» — она превращается в противоположность тому, что служило ее началом. Когда народу кажется, что наконец-то он, «совершивший» эту революцию, обретает всю полноту власти, эта власть, прекрасно обоснованная в многочисленных теориях и концепциях, в реальности ускользает из его рук и становится неуловимой. А господствовавшие в предреволюционный период и сыгравшие позитивную роль в процессе подготовки революционных событий идеи, самой революцией высвечиваются как абсолютно недееспособные.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

1. Арентс Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арентс. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Коэн Дж. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Коэн, Э. Арато. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 784 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Канон-пресс-ц. Кучково поле, 1998. – 416 с.
4. Трамп Д. Выступление на ГА ООН 19.09.2017 / Д. Трамп. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/society/19/09/2017/59c140339a794756d58d2fd5PБK>
5. Федорова М. М. Метаморфозы «свободного индивида» (Заметки о формировании проблемного поля политической философии в XIX веке) / М. М. Федорова // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 76-88.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Изд-во «Политической литературы». 1991. – 527 с.
7. Schmidt C. The Crisis of Parliamentary Democracy / C. Schmidt. – Cambridge: MIT Press, 1985. – 223p.
8. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy / J. L. Talmon. – London, 1952. – 249 p.

REFERENCES

1. Arendt, H. (1996). *Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism]*. Moscow: CenterCom [in Russian].
2. Kojen, Dzh., & Arato, Je. (2003). *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaja teorija [Civil Society and Political Theory]*. Moscow: Ves' Mir [in Russian].
3. Rousseau, J.-J. (1998). *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [The Social Contract. Treatises]*. Moscow: Canon-Press-Tse. Kuchkovo Pole [in Russian].
4. Trump, D. *Vystuplenie na GA OON 19.09.2017 [Speech for UN GA 19.09.2017]*. Retrieved from: <http://www.rbc.ru/society/19/09/2017/59c140339a794756d58d2fd5PБK> [in Russian].
5. Fedorova, M.M. (2003). Metamorfozy «svobodnogo individa» (Zametki o formirovanii problemnogo polja politicheskoy filosofii v XIX veke) [Free individual metamorphosis (Notes on the problem field formation of XIX century political philosophy)]. *Polis, Political researches*, 5, 76-88 [in Russian].
6. Jaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii [The Origin and Goal of History]*. Moscow: Politicheskaya literature [in Russian].
7. Schmidt, C. (1985). *The Crisis of Parliamentary Democracy*. Cambridge: MIT Press.
8. Talmon, J.L. (1952). *The Origins of Totalitarian Democracy*. London.

Гайнутдинова Людмила Александровна

Доктор политических наук, доцент
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мой-
ки, 48

Gainutdinova Lyudmila

Dr., Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika river emb, St. Petersburg, 191186, Russia

Email: a.alena.v@gmail.com

Цитування: Гайнутдинова Л. А. Революционные идеи Ж.-Ж. Руссо и радикализация современных политических преобразований / Л. А. Гайнутдинова // Аспекти публічного управління. – 2018. – Т. 6. – № 10. – С. 74-80.

Citation: Gainutdinova, L.A. (2018). Revoljucionnye idei Zh.-Zh. Russo i radikalizacija sovremennyh politicheskikh preobrazovanij [Innovative Ideas of Jean-Jacques Rousseau and Radicalization of Modern Political Transformations]. *Public administration aspects*, 6 (10), 74-80.

Стаття надійшла / Article arrived: 03.09.2018

Схвалено до друку / Accepted: 05.10.2018